

Каримов С.С.

ИСТОКИ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РЕГУЛИРОВАНИЯ АВТОНОМИИ ВОЛИ СТОРОН В ТРАНСГРАНИЧНЫХ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

S.S. Karimov

BACKGROUND AND CURRENT TRENDS OF THE LEGAL REGULATION OF PARTY AUTONOMY IN INTERNATIONAL CONTRACTUAL OBLIGATIONS

УДК:329.17/8

В статье анализируются классические подходы и современные тенденции правового регулирования автономии воли сторон в договорных обязательствах, а также место принципа автономии воли сторон в системе принципов права.

The article deals with classical approaches and current trends of the legal regulation of party autonomy in contractual obligations and the place of the principle of party autonomy in the system of principles of law.

Автономия воли в международном частном праве – предоставленная субъектам права возможность самостоятельно определять право, применимое к возникающим в процессе их деятельности отношениям, носящим стоимостной, преимущественно, имущественный характер¹.

Косвенные примеры применения названного правила исследователи видят еще в эллинистическом времени: изданный в Египте греческий указ, датированный 120-118 г.г. до н.э., устанавливает, что споры из договоров, составленных на египетском языке, подлежат рассмотрению в египетских судах с применением египетского права, а споры из договоров, составленных на греческом языке, подлежат рассмотрению в греческих судах с применением, соответственно, греческого права². Однако родоначальником теории автономии воли сторон принято считать французского исследователя 16 века Шарля Дюмулена (*Charles Dumoulin*, 1500-1566). Необходимо отметить, что названный автор не бесспорно выводил гипотетическую волю сторон на основании конклюдентных действий. Так, в ситуации заключения договора между супругами о режиме общей совместной собственности на территории провинции Франции, праву которой был известен такой правовой институт, Дюмулен утверждал, что режим общей совместной собственности распростра-

няется и на имущество, находящееся на территории провинции, в которой отсутствовал режим общности супругов. Аргументация такой позиции сводилась к очевидному обоюдному намерению сторон легализовать режим общности имущества, которое вытекает из факта совершения сделки на территории такой области. Более того, основанием для признания режима общности Дюмулен видит не только в факте заключения брачного договора, но и в факте заключения брака без заключения брачного договора на территории области, признающей такой режим³. Дюмулен предлагает применять теорию не только, когда стороны выразили свою волю относительно права, подлежащего применению, в фактическом поведении, но и когда эту волю выводили из анализа различных ожиданий сторон⁴. Таким образом, влияние участников гражданско-правовых отношений на определение применимого права согласно теории Дюмулена ограничено лишь возможностью воздействовать на фактические обстоятельства: этот тезис использовался исключительно для того, чтобы обосновать непригодность какой-либо сложившейся к тому моменту объективной привязки, и необходимость замены ее другой⁵.

Некоторые авторы называют автономией воли принцип частного права, согласно которому «каждый субъект гражданского оборота вправе самостоятельно определять свое поведение, свободно и независимо от других субъектов и государств участвовать в гражданском обороте, самостоятельно принимать решения и действовать в собственном интересе»⁶. В данном контексте

¹ Рубанов А.А. «Автономия воли» в международном частном праве как теоретическая проблема // Советский ежегодник международного права, 1986. - М.: Наука, 1987. - С. 214-228.

² Juenger, F. Choice of Law and Multistate Justice. – Dordrecht, 1993. – P. 7-8; Symeonides, S. Party Autonomy in Rome I and II from a Comparative Perspective// K. Boele-Woelki, T. Einhorn, D. Girsberger, S. Symeonides, eds. Convergence and divergence in private international law - liber amicorum. - Eleven International Publishing, 2010. – P. 513-550. [Electronic resource]. – Mode of access : [http:// http://ssrn.com/abstract=1697372](http://ssrn.com/abstract=1697372). – Date of access : 19.08.2013.

³ Брун, М.И. Международное частное право / Золотой фонд российской науки международного права. Т. II. – М.: Междунар. отношения, 2009. – 464 с. - С. 139 – 140.

⁴ Третьяков, С. В. Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Специальность 12.00.03 - Гражданское право; Семейное право; Международное частное право /С. В. Третьяков; Науч. рук. Е. А. Суханов; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. Юридический факультет. - М., 2003. – С. 13.

⁵ Асосков, А.В. Коллизионное регулирование договорных обязательств / А.В. Асосков. – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – 640 с. – С. 21.

⁶ Татаркина К.Л. Форма сделок в гражданском праве России: монография. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. – 264 с. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология

принцип автономии воли рассматривается как более удачный синоним принципа диспозитивности⁷. Трудно согласиться с критикой классических подходов⁸ к выделению принципов гражданского права и необходимостью замены устоявшихся в доктрине терминов. Точка зрения Е.А. Суханова о том, что принцип диспозитивности означает возможность участников регулируемых отношений самостоятельно, по своему усмотрению и в соответствии со своими интересами выбирать варианты соответствующего поведения подкрепляется нормами права государств-членов ЕврАзЭС. Так, согласно п.2 ст.3 Гражданского кодекса Республики Таджикистан⁹ «Граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе». Аналогичная норма закреплена п. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ¹⁰ и ч.3 ст. 2 Гражданского кодекса Республики Беларусь¹¹.

Вопрос о производности одного отраслевого принципа от другого до сих пор дискутируется в правовой литературе. Например, К.П. Татаркина утверждает: «Свобода договора, как и иные принципы гражданского права, является производной от принципа автономии воли участников

гражданского оборота...» (под принципом автономии воли ученая понимает принцип диспозитивности – *прим. автора*). Противоположную точку зрения высказывает О.А. Кузнецова: «Любые попытки выведения одних гражданско-правовых принципов из других безрезультатны. Если какое-либо нормативное положение может быть выведено из более общего нормативного положения, то первое не должно считаться отраслевым принципом»¹².

На наш взгляд, справедливость первого подхода доказывается теорией и практикой. В договорных отношениях принцип диспозитивности реализуется в том числе в принципе свободы договора, который проявляется и в свободе заключать договор, и в свободе заключать непоименованный в законе договор, и в свободе определять условия договора¹³. Как следствие, свобода определять условия договора проявляется в возможности формулирования условий договора материального характера, так и в определении применимого права, а также выборе компетентной юрисдикции. Приведенная аргументация позволяет нам сделать вывод о межотраслевом характере принципа диспозитивности и принципа свободы договора: они распространяют свое действие не только на гражданское, но и другие отрасли права. По утверждению российской ученой О.А. Потаповой, автора диссертационного исследования принципов гражданского права, «Принцип диспозитивности с полным основанием можно отнести к межотраслевым ... Именно он является базисом, основой, из которых вытекают все принципы гражданского права.

Говоря о принципе диспозитивности, необходимо отметить, что он является характерным для частного права в целом¹⁴ (например, для гражданского права, гражданского процессуального, трудового, семейного и др.), хотя, разумеется, для

Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

⁷ Татаркина К.Л. Форма сделок в гражданском праве России: монография. Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. – 264 с. // Консультант Плюс: Версия Проф. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013. Е. А. Суханов называет данный принцип принципом самостоятельности и инициативы в приобретении, осуществлении и защите гражданских прав. – См. Гражданское право: В 4 т. Общая часть: Учебник. Том 1. - 3-е издание, переработанное и дополненное / под ред. Е.А. Суханова. – М.: «Волтерс Клувер», 2008. Консультант Плюс: Версия Проф. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

⁸ Толстой Ю.К. Принципы гражданского права /Ю.К. Толстой // Правоведение. - 1992. - № 2. - С. 49 – 53.

⁹ Гражданский кодекс Республики Таджикистан (часть первая): Кодекс Респ. Таджикистан, 30 июня 1999., № 802: в ред. Закона Респ. Таджикистан от 22.07.2013. №976 // Законодательство стран СНГ [Электронный ресурс] / СоюзПравоИнформ. – М., 2013.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Кодекс Рос. Федерации, 26 нояб. 2001., № 146-ФЗ: принят Гос. Думой 1 нояб. 2001.: одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001.: в ред. Федер. закона от 02.07.2013 г. № 166-ФЗ// Консультант Плюс: Версия Проф. Технология Проф. [Электронный ресурс]/ООО «ЮрСпектр». – М., 2013.

¹¹ Гражданский кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 7 дек. 1998 г., № 218-З: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.: одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь от 05.01.2013 г. № 419-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф. [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2013.

¹² Кузнецова О.А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: Дис...д-ра юрид. наук/ Уральск. гос. юрид. академия. Екатеринбург, 2007. - 430 с. – С. 120.

¹³ Кондратьева Е.М. Свобода договора и «автономия воли сторон» как гарантии осуществления конституционных прав российских участников внешнеэкономической деятельности в международном частном праве/ Е.М. Кондратьева. Идея конституционализма в РФ и за рубежом и практика ее реализации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского: Идея конституционализма в РФ и за рубежом и практика ее реализации. - Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2003, Вып. 1 (6). - С. 33-44. - С. 34.

¹⁴ Современной доктриной высказывается точка зрения о распространении действия принципа диспозитивности и на публичное право. – См., например, Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук: 12.00.09 / И.С. Дикарев. - Волгоград, 2004 – 22 с.

каждой конкретной отрасли диспозитивность проявляется по-своему»¹⁵.

В свою очередь, принцип автономии воли сторон в узком смысле как отраслевой (в области международного частного права) принцип является производным от принципа диспозитивности.

В настоящее время автономия воли сторон является наиболее широко признаваемым в международном частном праве правилом. Автономия воли закрепляется международными актами и национальным законодательством для деликтных, наследственных, брачно-семейных отношений. Законы о международном частном праве некоторых государств закрепляют за автономией воли сторон роль полноценного источника права (ст. 1.2 Закона о международном частном праве Азербайджана от 6 июня 2000.¹⁶). Современной тенденцией международного частного права является расширение сферы применения автономии воли сторон. Так, она признается в деликтных отношениях (ст. 14 Регламента (ЕС) Европейского парламента и Совета ЕС от 11 июля 2007 г. № 864/2007 о праве, применимом к внедоговорным обязательствам¹⁷), в брачно-семейных отношениях (ст. 5 Регламента (ЕС) Совета ЕС от 20 декабря 2010 г. № 1259/2010 о расширении сотрудничества в области права, применимого к расторжению брака и раздельном проживании супругов¹⁸). Но, пожалуй, наиболее широкое и безоговорочное применение автономия воли сторон получила в договорных обязательствах.

Поддавляющее большинство источников международного частного права закрепляет неограниченную автономию воли сторон, т.е. стороны имеют право выбрать в качестве применимого права любого государства, даже не имеющего связи с договором. Например, п. «е» ст. 11 Соглашения о порядке рассмотрения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г.¹⁹ (далее – Киевское соглашение), ст. 44 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам

¹⁵ Потапова О.А. Принципы гражданского права. Дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.А. Потапова. - Ульяновск, 2002. - 172 с.

¹⁶ О международном частном праве: Закон Азербайджанской Респ. от 6 июня 2000 г. № 889 II [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ / СоюзПравоИнформ. — М., 2013.

¹⁷ Regulation (EU) № 864/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 on the law applicable to non-contractual obligations (Rome II) // Official Journal of the European Union. – 2007. - L 199/40.

¹⁸ Council Regulation (EU) № 1259/2010 of 20 December 2010 implementing enhanced cooperation in the area of the law applicable to divorce and legal separation // Official Journal of the European Union. – 2010. - L 343/10.

¹⁹ Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20 марта 1992 г. // Ведомості Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1993. – № 18. – Ст. 207.

от 7 октября 2002 г.²⁰ (далее – Кишиневская конвенция), п.1 ст. 1218 Гражданского кодекса Республики Таджикистан, п. 1 ст. 3 Регламента (ЕС) Европейского парламента и Совета ЕС от 17 июля 2008 г. № 593/2008 о праве, применимом к договорным обязательствам²¹ соглашение сторон может предусматривать любое право, применимое к содержанию сделки. Принципиальное правило неограниченной автономии воли заключается в отсутствии требования тесной связи договора с государством, право которого выбрано сторонами. Названное правило сформулировано многочисленной правоприменительной практикой, в том числе Суда Европейского союза. Так, в деле *Commission v. CO.DE.MI*²² обстоятельства заключались в том, что Комиссия ЕС заключила с итальянской компанией договор на строительство зданий. Договор содержал условие о регулировании правом Бельгии. После невыполнения подрядчиком договорных обязательств Комиссия обратилась в Суд с требованием о прекращении договора и возмещении ущерба согласно бельгийскому праву. Ответчик заявил, что договор имеет очевидную связь с Италией, поскольку одной из сторон является итальянское юридическое лицо, договор был заключен на территории Италии и там же осуществлялись работы, являющиеся предметом договора. Однако в решении Суд указал, что положение о выборе применимого права является неотъемлемой частью договора. Ссылки в договоре на отдельные положения Гражданского кодекса Италии, равно как и поведение сторон не дают Суду оснований утверждать, что стороны действительно намеревались подчинить договорные отношения итальянскому праву. Более того, Суд отметил, что место заключения договора не имеет никакого влияния на определение применимого права, «поскольку условие договора, явным образом отражающее намерение сторон имеет преимущество перед любым иным критерием, который может быть использован исключительно в случае безмолвия сторон на этот счет»²³. На основании вышеизложенного Суд принял решение о применении права Бельгии.

Некоторыми европейскими авторами высказывается точка зрения о том, что автономия воли сторон представляет собой составляющую публичного порядка Европейского союза: «коллизийная договорная автономия, то есть максимальная мера

²⁰ Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. // Ведомості Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. – 1993. – N 28. – Ст. 375.

²¹ Regulation (EU) № 593/2008 of the European Parliament and of the Council of 17 June 2008 on the law applicable to contractual obligations (Rome I) // Official Journal of the European Union. – 2008. - L 177/6.

²² Case 318/81 *Commission v CO.DE.MI. SpA* [1985] ECR 3693.

²³ Там же.

свободы выбора права, примененного в договорных отношениях, является логичной формой частноправового выражения свободы единого рынка как основного принципа Сообщества в смысле SES (Договора об учреждении Европейского сообщества) и SEU (Договора о Европейском союзе), соответственно. С другой точки зрения, автономия выбора примененного права является средством достижения целей SES как первичного источника права Сообщества. Если бы не было договорной автономии в виде выбора примененного права, нельзя было бы достичь основных целей единого рынка Сообщества в полном объеме²⁴.

К достоинствам применения автономии воли сторон следует причислить и реализацию принципа правовой определенности и предсказуемости

Следует отметить, что несмотря на признание неограниченной автономии воли, существует ряд ограничений для сторон в вопросе выбора примененного права.

Ограничениями частного порядка выступает невозможность выбора сторонами примененного права для отдельных видов договоров. Так, в соответствии с п.3 ст. 1219 Гражданского кодекса Республики Таджикистан автономия воли не применима к договорам, предметом которых является недвижимое имущество, и договорам доверительного управления имуществом. Согласно ст. 1220 Гражданского кодекса Республики Таджикистан стороны не имеют полномочий выбирать право для договоров о создании юридического лица с иностранным участием.

Ограничениями общего характера является невозможность для сторон избежать действия сверхимперативных норм страны суда и страны, с которой договор имеет тесную связь (в поздних кодификациях – страны исполнения договора), невозможность изменить ранее выбранное право, если это нарушает права третьих лиц, а также гипотетическая возможность отказа суда применять иностранное право, если это противоречит публичному порядку (базовым принципам права, нормам морали и нравственности) страны суда.

Следует отметить, что западная правоприменительная практика демонстрирует весьма осторожный подход к применению вышеназванных ограничений общего характера. В этой связи показательное решение Суда ЕС C-339/89 от 24 января 1991 г. по делу *Alsthom Atlantique v Compagnie de construction mecanique Sulzer SA*. Суть дела заключалась в следующем. Договорные отношения двух французских компаний были подчинены ими французскому праву, которое содержит строгие правила ответственности производителя и продавца за дефекты продукции, включая скрытые дефекты, о которых продавец не знал, за исключением прямого

ограничения такой ответственности в договоре. Истец, *Alsthom Atlantique*, предъявил требования к ответчику, *Sulzer*, в связи с производственными дефектами в лодочных моторах, которые он поставлял голландскому контрагенту *Holland & America Tours*. Ответчик утверждал, что применение норм французского права об ответственности производителя/продавца противоречит европейскому публичному порядку, а именно ст. 35 Договора о функционировании Европейского союза, поскольку аналогичные правила не применяются в других государствах-членах. По его мнению, требования французского права препятствуют развитию конкуренции и свободному перемещению товаров на рынке ЕС. Суд постановил, что французское право должно применяться к отношениям сторон, поскольку его целью не является ограничение экспорта в пользу отечественного производства или отечественного рынка. Кроме того, по мнению Суда, в договоре международной купли-продажи контрагенты свободны в выборе примененного права и могли бы по взаимному согласию исключить применение французского права к их правоотношениям²⁵.

Таким образом, проведенный анализ демонстрирует неоднозначность в понимании сути и правовой природы принципа автономии воли сторон как производного от частноправового принципа диспозитивности. Несмотря на закрепившееся в доктрине мнение о формулировании теории автономии воли сторон в работах Дюмулена, следует отметить весьма ограниченное понимание ее названным автором. Предлагаемый Дюмуленом поиск подразумеваемой воли сторон скорее тяготеет к локализации договора и определению государства, с которым договор имеет наиболее тесную связь. В качестве самостоятельного полноценного института автономия воли получила развитие в прошлом столетии. В настоящее время она признается как нормативными правовыми актами, так и правоприменительной практикой и сфера ее применения неуклонно расширяется, включая не только договорные, но и деликтные, а также брачно-семейные отношения.

Рецензент: к.ю.н. Смаилов А.А.

²⁴ Белоглавек, А. И. Европейское международное частное право – договорные связи и обязательства: [в 2 т.] Т. 1 / А.И. Белоглавек. – К.: Таксон, 2010. – 1576 с. – С. 676.

²⁵ Babaev, R. Choice of the applicable law and equal treatment in the European Union. Durham theses / R. Babaev. - Durham University, 2012.- P. 122 – 123. [Electronic resource]. – Mode of access: <http://etheses.dur.ac.uk/3468/>. – Date of access: 16.08.2013.